

Подъехав к кафе, Эльке Хауптман увидела в окно этого человека — во всяком случае, его лысую макушку и серую фетровую шляпу, висевшую на конце будки.

Она твердо поставила ноги на тротуар и заглушила двигатель «Швальбе», на мгновение успокоившись, прежде чем войти внутрь.

Майор Курт Пфайфер из Министерства государственной безопасности — более известного как Штази — был куском собачьего дерьма, но он был умным куском собачьего дерьма. Хуже того, он имел почти полную власть над жизнью Эльке Хауптман. Эльке пристегнула мотороллер к столбу и спрятала ключ в карман пальто. Ее волосы от поездки превратились в спутанное гнездо соломенных кудрей. Ветер трепал щеки и закладывал нос, но она не потрудилась привести себя в порядок перед тем, как войти в дом.

Пфайфера не волновали такие вещи. Его возбуждал ее страх, а также информация в ее сумке.

Эльке была уверена, что все, кто находился в кафе, были из Штази. Это было небольшое заведение с шестью кабинками вдоль стены и таким же количеством столиков, которые, казалось, были расположены так, чтобы заставить ее двигаться зигзагами, чтобы добраться до задней части, где ждал Пфайфер. Еда пахла восхитительно. Здесь могло бы быть уютно, но освещение было тусклым, а обстановка — холодной, придавая помещению интимность бельевого шкафа. Хуже того, здесь было удушающе жарко.

Каждый раз, когда она приходила сюда, здесь находились одни и те же полдюжины людей, как будто для роли клиентов кафе были наняты актеры

«... или... — подумала Эльке. — ... может быть, все, кто приходил сюда, были настолько скучны, что выглядели одинаково.»

Проходя мимо ряда кабинок, Эльке заметила два новых лица: молодая пара сидела напротив друг друга, склонившись над своей кабинкой, и разговаривала тихим шепотом. Как и Эльке, они оба были одеты в тяжелые шерстяные пальто. Майор Пфайфер высунулся из задней кабинки, услышав стук двери.

— Я уже слышала, как вы поете. — круглая женщина, вытиравшая один из столов, опиралась на тряпку и строго смотрела на Эльке — именно она и заговорила. Это прозвучало скорее как угроза, чем как комплимент.

Двое мужчин в помятых костюмах сидели за столиком метрах в десяти от молодой пары. Оба ненадолго подняли глаза от пива, как бы желая посмотреть, какое насекомое залетело в сетку, и вернулись к своему разговору.

Пфайфер встал при приближении Эльки не потому, что был рыцарски вежлив или хотя бы в меру учтив. При росте метр восемьдесят три он был почти на фут выше Эльке Хауптман, и ему нравилось демонстрировать ей этот факт. Он вышел из кабины и пригласил ее внутрь. Так было

всегда. Ему нравилось, что она прижата к стене.

Он был примерно ее ровесником, сорока трех лет, может быть, даже на год или два моложе. Она подозревала, что он начал терять волосы еще в молодости — или, по крайней мере, достаточно давно, чтобы сейчас это его не беспокоило, если только она не указывала на это. Он был атлетически сложен и, если верить его словам, являлся опытным стрелком, проводящим большую часть недели в своем оружейном клубе. Он носил пистолет под плащом или в прикроватной тумбочке у кровати.

Она никогда не видела его как следует, да и не хотела.

На столе перед ним лежала кроваво-красная пачка сигарет «Рут-хёнлдэ». Свежая сигарета свешивалась с его приоткрытых губ. Он протянул ее ей. Западные сигареты были гораздо крепче, чем ее марка. Она взяла ее, благодарная за дополнительную никотиновую подпитку, которая поможет ей пережить то, что, как она знала, ждет ее впереди.

Было уже поздно, но галстук Пфайфера все еще был натянут на пуговицу воротника его безупречной белой рубашки. Эльке догадывалась, что он меняет весь свой гардероб не реже одного раза в день, а если ему приходится попотеть, то и чаще. Пальто «Барберри», которое, должно быть, стоило больше, чем она заработала за три месяца, висело на прищепке под фетровой шляпой в конце кабинки.

Он посмотрел на повязку на ее пальце, которая только начала краснеть, но ничего не сказал. Вместо этого он махнул рукой через стол, а затем выковырял из губ кусочек табака.

— Я заказал для нас.

— Спасибо, но я уже поела. — она скользнула в кабинку и машинально ответила.

— Ну, куда там. Поела она достаточно!.. — Пфайфер мотнул головой, наливаясь привычным азартом. — Посмотри на себя, моя дорогая. — приподняв бровь, он повернулся на бок и уставился на нее, ползая глазами вверх и вниз по ее телу. — Разве тебя не кормят в тех шоу, в которых ты участвуешь? Кроме того, здесь есть настоящий венский шницель, а не те сухари и свиные задницы, которые подают на улице.

Он посмотрел на нее в поисках реакции на свой небольшой разговор о предательстве. Конечно, это было преступлением против государства — называть восточногерманскую еду не иначе как вкусной.

— Ты принесла?

Эльке закрыла глаза и ненадолго задумалась о том, чтобы перелезть через стол и убежать тем же путем, каким она вошла. Толстуха наверняка выстрелила бы ей в затылок. Она села, не

снимая пальто, и ей пришлось наклониться вбок, прижимаясь к его телу, чтобы достать из внутреннего кармана простой коричневый конверт. Она бросила его ему, как будто он горел.

Через минуту принесли еду — две тарелки шницеля и два пива. Как и было обещано, котлеты в панировке из настоящей жареной телятины, сверху — долька настоящего лимона.

— Я знаю, что это трудно. — Пфайфер отодвинул конверт на край стола и принялся за шницель, орудуя ножом и вилкой.

— Вы даже не представляете. — сказала она, поймав всхлип, прежде чем он покинул ее горло. Она не собиралась доставлять ему удовольствие.

— Ешь. — он жестом указал на ее тарелку с куском стейка, насаженным на зубцы вилки. — Я настаиваю. — она ела, давась каждым кусочком. — Вы оказываете большую услугу. — Пфайфер сделал длинный глоток пива, затем поднял кружку. — Вы знаете, что это то же самое, что подают Хонеккеру? — он наклонился вперед и понизил голос до заговорщицкого шепота. — Если мы дадим ему то пойло, которое приходится пить большинству товарищей, возможно, он лучше поймет реальность жизни в ГДР.

Этот разговор, несомненно, был ловушкой. В Германской Демократической Республике — ГДР — за стихотворение, критикующее растущее количество бетонных многоэтажек, можно было попасть в тюрьму. Если несколько стихотворных строк — это «публичная диффамация государственного органа», за которую полагается два года тюрьмы, то разговор о пиве Эриха Хонеккера, несомненно, должен быть смертным преступлением.

Пфайфера это, похоже, не волновало. Он отпил еще.

— Очень патриотично с вашей стороны помочь, учитывая обстоятельства.

— Вы говорите так, будто у меня есть выбор. — прошипела Эльке. — Разве это не девиз госбезопасности: «Приходите к нам, или мы придем к вам»?

Майор пожал плечами, но не стал отрицать этого. Если уж на то пошло, его всегда забавляло, когда она вставала.

— Вы с мужем ведете очаровательную жизнь. — он промокнул рот салфеткой и сказал он. — Но не думайте, что за все эти прелести приходится платить. — он отрывисто кивнул женщине, которая принесла пиво, затем наклонился в сторону и шепнул Эльке. — Я хочу, чтобы ты кое-что увидела.

По его сигналу женщина подошла к молодой паре и, оглянувшись через плечо, что-то шепнула молодому человеку. Эльке видел только его затылок, но в кабинке он сел ровнее. Молодая женщина, сидевшая за столом напротив, покраснела от того, что говорила им грузная

женщина, и тоже напряглась.

— Эти два предателя не имеют ни малейшего представления о том, где они находятся. — майор Пфайфер тихо произнес.

— Предатели? — Эльке сказала это достаточно громко, чтобы заслужить резкий удар локтем от Пфайфера.

— Посмотри сама, моя дорогая. — Пфайфер достал из кармана маленький наушник и протянул его Эльке. — Слушайте. — сказал он. — Я настаиваю.

Маленькая резиновая насадка едва поместилась в ее ухе, но она все равно вставила ее. Она была соединена с проводом, который исчез в костюме Пфайфера. Он вставил в ухо еще один наушник, и оба они были подключены к приемнику подслушивающего устройства, находившегося где-то рядом с молодой парой.

— Насколько это опасно? — девушка дрожала, её эмоции граничили с паникой.

— Нет ничего надежного. — ответил хриплый голос грузной женщины. — Всегда есть риск. Если хочешь, ты можешь повернуть назад.

— Нет! — сказал парень, его было слышно и без наушника. Потом, уже тише. — Мы не можем здесь больше оставаться.

Эльке показалось, что ему не больше двадцати. Девушке, вероятно, тоже — оба подростки.

— Вы это слышали? — спросил Пфайфер. — Даже сейчас, после всего его предательства, она дала ему еще один шанс передумать. — Пфайфер покачал головой. — А люди обвиняют нас в бессердечии...

— Рейнджеры есть везде. — сказала грузная женщина. — Готовы ли вы справиться с ними, если мы встретим одного из них?

— Вы... То есть?.. — девушка запнулась.

— Да. — сказал мальчик. — Я сделаю все, что потребуется.

— Даже убить? — спросила женщина.

— Все, что потребуется. — сказал юноша. — Они — свиньи!

— Это облегчит ему суд. — Пфайфер наклонился в сторону и доверительно сказал Эльке.

— Очень хорошо. — сказала грузная женщина. — Вы уезжаете сегодня вечером.

— Подождите! — ошеломленно сказала девушка. — Сегодня вечером?

— В туннель? — спросил юноша.

— Вроде того. — сказала грузная женщина. Она отошла от стола. — Мы должны покинуть это место через черный ход.

Юноша выскочил из кабинки и встал, а девушка осталась на месте, с тоской глядя в сторону входной двери. Почуяла ли она ловушку? Или она сама была ее частью? В ГДР это было невозможно узнать. Эльке хотелось закричать. Пфайфер почувствовал изменение ее позы и схватил ее за ногу, сильно сжав.

«Предупреждение.»

Он кивнул мужчинам в помятых костюмах, сидевшим за соседним столом. Эльке вздрогнула, когда они быстро подошли к испуганному молодому человеку, потрепали его по плечу и рывкнули короткие слова, которые снились восточным немцам в кошмарах:

— «Штаазиштёрхэт». Пройдемте с нами!

— Государственная безопасность. Пойдемте с нами!

Девушка рухнула на стол и зарыдала. Один из мужчин схватил ее за руку и потащил из кабинки. Ее парень со злостью замахнулся и удачно попал локтем в нос одному из «штазистов». Пострадавший зарычал и ударил парня по уху черным кожаным кулаком. От звука удара у Эльке перехватило дыхание — это был не просто звук удара свинцовой кожи о кожу, а звук разрываемой плоти и ломающейся кости. Слепленный яростью штази наносил удары снова и снова, раздирая лицо потерявшего сознание юноши и почти отрывая ему ухо.

Пфайфер наверняка срежиссировал арест, чтобы держать Эльке в узде... и для собственного развлечения. Грузная женщина схватила девочку из кабины, а двое мужчин вытащили парня за ноги через черный ход, оставив на кафельном полу кровавое месиво. Эльке ударила по столу кулаками, посылая волны боли в поврежденный палец.

— Это было... — ей хотелось кричать. — Вы не должны были... почему вы...

— Я защищаю социалистическое государство от тех, кто мог бы нас предать. — Пфайфер пожал плечами, безумно спокойный. — Конечно, мне неприятно, что нам пришлось прибегнуть к

физической силе. Мы предпочитаем...

— Я знаю, что вы предпочитаете! — она прервала его. — Вы предпочитаете то, что вы делаете со мной! «Зёрсетзат»!

Расчленение действительно было основным методом политических репрессий Министерства государственной безопасности. Буквально означая «разлагать или уничтожать», сотрудники Штази использовали всевозможные методы, чтобы изолировать любого, кто, по их мнению, вел подрывную деятельность, и заставить их думать, что они сходят с ума: переводили часы, распространяли слухи, посылали письма от фиктивных незаконнорожденных детей.

— Это абсурд, моя дорогая. — Пфайфер пожал плечами и сказал. — Вы помогаете мне в этой большой работе по собственной воле. Все аномалии, которые вы, как вам кажется, заметили, не более чем плод вашего гиперактивного воображения. Уверю вас.

— Я не понимаю, зачем вам нужна. — Элька наклонилась вперед, крутя лоб, как она обычно делала, когда была встревожена. — Вы и так следите за нами на каждом шагу. Проверяете нашу почту...

— Не считайте семью Хауптман особенной в этом отношении, моя дорогая. — майор сухо усмехнулся. — Мы вскрываем почту всех подряд — все на благо государства.

— Увэ делает важную работу на благо ГДР, а вы тем временем ставите микрофоны в нашем доме.

Пфайфер посмотрел на других обедающих, которые продолжали есть, переживая ужас ареста, а затем снова на Эльке.

— Понижай голос, дорогая. — сказал он. — Вам не мешало бы помнить, что в практических целях вы говорите о моем доме. Я разрешаю вашей маленькой семье жить там до тех пор, пока вы продолжаете выполнять свои обязанности и поддерживать продуктивную работу вашего мужа.

Она представила, как ткнет его вилкой в глаз, но выкинула эту мысль из головы. Пока что.

— В любом случае. — сказал Пфайфер, снова принимаясь за еду. — Ты и твой муж находитесь под пристальным вниманием. Оба регулярно ездите на Запад.

— И вы тоже. — огрызнулась Эльке, в голосе которой прозвучала скорее оборона, чем вызов. Она простионала. — Чего же вы еще хотите? Доктор Галкин и его куратор из КГБ постоянно следят за ним. Они...

— КГБ? — подумал Пфайфер.

— Вы не знали? — она внутренне улыбнулась, но не показала этого.

«Улыбаться офицеру Штази — хороший способ оказаться в тюрьме.»

— КГБ. — повторил майор и кивнул, словно решая, что сказать дальше. Он вздохнул. — Советы, по-моему, устали. Каждый день я читаю то одно, то другое сообщение об их новой гласности и перестройке. Скоро нам в ГДР, возможно, придется жить в одиночку. Это я вам точно могу сказать.

— Я бы хотела, чтобы мой муж справился сам. — говорит Эльке. — Вы все должны видеть, что он работает на благо государства, а вы...

— Евгений Зима. — пробормотал Пфайфер, словно не услышав ни слова из того, что она сказала. Он сморщил нос, как будто слова были горькими на вкус. — Вы считаете меня жестоким... этот придурок из КГБ — враг народа. Преступник, который делает свое состояние на черном рынке.

В голосе майора было больше зависти, чем возмущения.

Она чуть было не упомянула о поездке русского на Запад, но почувствовала опасность оказаться между двумя влиятельными людьми. Оказалось, что это не имеет значения. Пфайфер, похоже, уже знал, и это заставило ее задуматься о том, сколько людей следило за ее мужем во время его последней поездки за пределы ГДР. Не в силах сдержаться, она подтолкнула медведя.

— Мне кажется странным, что товарищ Зима имеет открытый доступ к записям моего мужа, но не поделился ими с вами.

— Вы правы. — сказал Пфайфер, обращаясь внутрь себя и глубоко задумываясь над этим вопросом. — Вам следует опасаться этого человека. Он преступник.

— Я не должна этого слышать. — достав конверт, Эльке кивнула в сторону двери. — Могу я уйти? Я хочу вернуться к мужу.

Под столом рука Пфайфер провела по внутренней стороне ее колена. Так происходило, по крайней мере, на каждой второй встрече. Особенно проблематичными были места с прилегающими квартирами Штази — конспиративные квартиры, которые были совсем не конспиративными.

Владелец этого ресторана назывался «ІМК» — неофициальный сотрудник. Буква «К» означала, что они помогали в решении логистических вопросов, таких как конспиративные квартиры — квартиры, где государственные агенты поддерживали связь с теми, кто находился под их контролем.

Эльке потребовалось все усилие воли, чтобы не сблевать на стол. Квартира ее семьи, ее место в университете, школы Ханси, его членство в лучших спортивных командах, клубах, даже место, где она приковала свой скутер возле квартиры — все это было под контролем этого человека. И теперь он хотел этого. Она была не просто шпионкой Курта Пфайфера, она была его шлюхой. Он прикурил еще одну сигарету, положил зажигалку в карман и встал, чтобы выпустить ее из кабины. Его мысли, казалось, были заняты чем-то другим, и на мгновение ей показалось, что он собирается отпустить ее.

Но не тут-то было.

— Я собираюсь закончить трапезу. — сказал он, его голос был тяжелым от предвкушения, а дыхание — таким, что молоко могло свернуться. — Поднимись наверх и прими горячую ванну. И наложи свежую повязку на эту ужасную рану на пальце. Я оставил для тебя подарок на кровати. Небольшой знак признательности за твою работу. Возможно, он понравится тебе настолько, что ты потом споешь мне песню... — она вымученно кивнула, что он, несомненно, принял за улыбку. — О-о-ох... — сказал он, усаживаясь обратно в кабину и беря в руки вилку. — Чуть не забыл. Твой муж позвонил твоей сестре сразу после того, как ты вышла из квартиры.

— Что? — Эльке ухватилась за край стола, чтобы не упасть.

— Он хочет, чтобы вы ему перезвонили. — Пфайфер откусил кусочек шницеля и заговорил, жуя. — Кстати, она хорошо тебя прикрыла, твоя сестра.

— Вы должны были сказать мне...

— Я говорю тебе сейчас. — Пфайфер пожал плечами. — Воспользуйся телефоном наверху.

— А если он заподозрит?

Он наклонился вбок, обнажив шею. Эльке сжала кулаки, не обращая внимания на боль в пораненном пальце.

«Если бы только я была сильнее...»

— Позволь мне открыть тебе секрет, любовь моя. — сказал он. — Я выслушал тысячи мужей, и все они подозревают. Все. Все до единого. Все до одного. — он откусил еще один кусок телятины, соскребая ее с вилки зубами. — Но подозревать и знать — две совершенно разные вещи.

Он емев от ужаса, едва дыша, Эльке направилась к двери, ведущей на черную лестницу. Зародыш идеи зародился в ее голове во время их встречи в прошлом месяце. Тогда он тоже забрался на нее сверху. У нее уже созрели планы, но жестокий фарс, разыгранный вечером Пфайфером, только укрепил ее решимость. Это будет опасно, но, по крайней мере, она

ПОКОНЧИТ СО ВСЕМ ЭТИМ.

Это либо спасет ее семью, либо принесет ей пулю Штази.

<http://tl.rulate.ru/book/107895/4005542>